

— А парень-то неплох! Молодец, хваткий. Я всего один раз зачитал, а он уже всё наизусть помнит. Всем брать с него пример!

Ван Эрмао впервые в жизни удостоился похвалы от командования перед всем строем. Его лицо тут же залил густой румянец. Правда, парень был чернявым и смуглым от природы, так что краска смущения осталась почти незаметной.

— Только вот одного я не пойму, — командир роты Ло Чэн сменил милость на недоумение. — На кой-чёрт ты это зазубривал?

Окрылённый внезапной радостью, простодушный Эрмао выпалил первое, что пришло в голову, даже не подумав о последствиях:

— Докладываю! В нашей семье служить пошёл только я. Младший брат просто бредит армией, вот и просил написать в письме о чём-нибудь этаким... героическом и грозном!

Язык у него в этот раз сработал на редкость шустро. Настолько шустро, что стоявший рядом Чжао Баи, почуяв неладное, просто физически не успел зажать ему рот.

У Баи внутри всё похолодело. В голове набатом забилась унылая мысль: «Ну всё, приплыли... Этот дуб стоеросовый нас погубит! Тут простым кроссом уже не отделаешься...»

В строю повисла гробовая тишина. Ротный опешил, взводный замер с открытым ртом, остальные притихли в шоке. И лишь один Ван Эрмао стоял и сиял от счастья, словно ребёнок, получивший на Новый год заветный красный конверт с деньгами.

Чжао Баи обречённо подумал:

«Будь у меня в голове на одну извилину меньше, жизнь казалась бы удивительно прекрасной. Честное слово...»

Выводя аккуратные строчки из устава по сохранению военной тайны, Баи то и дело уныло вздыхал. Ну надо же было получить в напарники такого недотёпу! Мало того что их заставили бегать до седьмого пота, так теперь ещё приходится корпеть над этой бесконечной стопкой скучнейших правил. Сил никаких нет!

— Ба... Баи...

— Отвали, а? Отвали, Христа ради! — Баи замахал руками, отгоняя товарища, как назойливую муху.

Обиженный Эрмао надул губы и вернулся к своей тетрадке. Но не прошло и пяти минут, как он снова придвинулся ближе:

— Ба... Баи...

— Всё, нет больше Баи. С сегодняшнего дня зови меня Люи!

Люи... А что, звучит неплохо. Намного мягче и покладистее сурового армейского «Баи». Одно плохо: если его отец-генерал узнает, что сын сменил гордое «Первое августа» на детсадовское «Первое июня», у старика точно случится удар.

— Ну, тогда, Люи... Ай!

Получив увесистый подзатыльник, Эрмао сжался и потёр ушибленное место.

— Ты что, совсем без тормозов? — напустился на него Баи. — Я же пошутил, а ты и уши развесил!

Увидев, что друг больше не злится, Эрмао тут же просиял. На грубые слова он даже внимания не обратил — закивал радостно, как китайский болванчик:

— Да я тоже пошутил!

— Ишь ты, поглядите на него! Эволюционируешь? Ну-ка, дай гляну. Может, я тебе подзатыльниками какую-то умную точку на затылке активировал?

Баи по-братски загрёб паренька за шею, прижал его голову к себе, словно собрался разобрать новенький автомат до последнего винтика, чтобы изучить конструкцию.

— Не надо, ха-ха! Щекотно же! Баи, пусти, не щекочи, а-ха-ха! — отчаянно вырывался тот, от избытка чувств то и дело срываясь на родной деревенский диалект.

Они начали возиться на койке Эрмао, катаясь по матрасу, пока Ли Дун с верхней полки не застучал по железной дужке кровати, требуя тишины. Парни замерли, наперебой зажимая друг другу рты, и заговорщически переглянулись. Почувствовав себя полными глупцами, они приснули со смеху, стараясь не шуметь.

— Ладно, давай за работу, — Баи со смешком шлёпнул Эрмао по заднице и поднялся. — Если

до утра не перепишем эту муть, Ван Ан нас живьём закопает!

Он подобрал упавший на пол устав, поправил повалившийся складной табурет и, устроившись у жесткой деревянной койки, продолжил выводить иероглифы.

— Слышь, а я узнал, что командиру отделения тоже на орехи досталось, — зашептал Эрмао, пристраиваясь рядом на своём табурете.

— Да ладно? Серьёзно?

— Честное слово! — Эрмао усердно закивал.

Баи задумчиво потер подбородок:

— Так ему и надо. Будет знать, как над нами измываться. Устроил нам, гад, весёлую жизнь... Какое облегчение! Эрмао, а ты молодец, хорошо удружил!

Получив неожиданный тычок под ребра, Эрмао чуть не впился лбом в спинку кровати. Потирая ушибленный бок, он жалобно спросил:

— За что ты меня так?

— Да ни за что! Просто у меня настроение отличное!

За время службы в казарме Чжао Баи заметно пообтесался — манеры стали куда грубее, да и выражаться он начал по-армейски. Правду говорят: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Ручка в его пальцах так и летала по бумаге, а сам парень весело мурлыкал под нос песенку из «Дораэмона» — синего робокота, который был его главным кумиром в детстве.

<http://bllate.org/book/18247/1756730>